

Ушел Валерий Шамшурин. Явление для нашего города такое же знаковое, как Дмитровская башня Нижегородского кремля или памятник Валерию Чкалову на Откосе. «Мы говорим Ленин, подразумеваем – партия», – писал известный всем классик русской поэзии. Перефразируя слова Маяковского, можно сказать: «Мы говорим “Шамшурин” – подразумеваем “Нижний Новгород”».

Действительно, это так. Когда приходится выступать перед читателями, всегда просят назвать имена выдающихся нижегородских писателей, тех, чьи имена уже вошли в анналы литературы. Я всегда называю только четыре имени – Максим Горький, Николай Кочин, Борис Корнилов и Федор Сухов. Называю потому, что произведения этих авторов уже точно, на сто процентов, прошли испытания временем.

Однако никого из вышеперечисленных писателей я не могу так связать с нашим городом, как Валерия Шамшурина. И действительно. Горький провел в Нижнем только детство и отрочество, а потом, после долгих лет скитаний по стране, три года прожил с семьей на Марьинской, пока не покинул родной город навсегда. Кочин поселился в нашем городе двадцати шести лет от роду, после заключения по политической статье долго жил на Бору, потом перебрался в Москву и жил на два города. Корнилов вообще был в Нижнем только проездом, в детстве и юности обитал в Семеновском уезде, а потом переехал в Ленинград, где и был расстрелян. Жизнь Сухова, уроженца Лысковского района, на добрую треть прошла в Сталинграде – Волгограде. А самое главное – нижегородская тема для вышеперечисленных авторов совсем не была ключевой.

Во всяком случае, называя эти имена, читатель никак не подразумевает прежде всего Нижний Новгород. Совсем иначе можно сказать о Шамшурине. Он был настоящим патриотом своего края, глубоким знатоком его истории. Неслучайно его лучшие исторические романы связаны с именами тех нижегородцев, которых знает весь мир, – Кузьмой Мининым и Валерием Чкаловым.

Шамшурин – последний из «классиков» нижегородской литературы. Не было у нас ни одного пишущего человека, который бы так или иначе не столкнулся с Валерием Анатольевичем, не получил бы от него оценку своего творчества.

Удивительная работоспособность – одна из ключевых черт Валерия Анатольевича.

У меня сложилось такое ощущение, что Шамшуриным работал всегда. Даже в советские годы, когда писатель мог и не работать, а заниматься только своим творчеством. Торчал до пяти-шести часов вечера то в редакциях газет, то в Волго-Вятском книжном издательстве. Не чурался окололитературной поденщины. Находил общий язык со всеми людьми – даже с такими, которым не каждый бы и руку подал. Его часто критиковали за повышенную лояльность ко всем властям – подчас, возможно, и справедливо.

Я не был исключением среди этих «критиков», и, возможно, мои слова однажды дошли до него. Никогда не забуду, как он мне сказал (это было уже после 2002 года, во времена его второго восшествия на престол в Нижегородской областной писательской организации): «Вот ты, Женя, в мединституте работаешь, получаешь там какую-никакую зарплату. И не так уж важно тебе, напечатали тебя в каком журнале или нет, издали твою книжечку или нет. От голода ты не умрешь. А вот у меня, кроме литературы, совсем ничего нет. Вот и приходится мне крутиться». Эти слова оказали на меня огромное впечатление, и мне стало мучительно стыдно за свою «критику». С тех пор я уже никогда не «критиковал» образ жизни своего старшего коллеги.

Меня преследует ощущение, что в моей жизни было несколько Шамшуриных. Первый – Шамшуриным 80-х годов – молодой, уверенный в себе руководитель областной писательской организации, редактор Волго-Вятского книжного издательства, член обкома партии, от которого напрямую зависело, поставят твою книгу в план областного издательства или нет. Я, как и многие двадцатилетние писатели, в ту пору Шамшурина несколько побаивался и смотрел на него снизу вверх, как на классика, – а так и нужно молодым!

Впервые увидел я его, наверное, в 1981 году, когда начал изредка посещать писательскую организацию. Запомнился эпизод марта 1984 года, когда я попал на областной семинар творческой молодежи, который проходил на территории одного из пансионатов, находящихся на Горьковском море. Эти семинары проводил обком комсомола, собирая вместе молодых литераторов, музыкантов, артистов, художников. Эти короткие (обычно трехдневные) встречи в пригородных пансионатах, проходящие примерно раз в полгода, были очень нам нужны. Благодаря им мы, творческие люди закрытого, но в то же время огромного полуторамиллионного мегаполиса, стали знать друг друга, дружить и общаться. Именно там, на Горьковском море, подружился я с двумя удивительно талантливыми людьми – композитором Сергеем Терхановым, уехавшим в дальнейшем в Саранск и ставшим народным композитором Республики Мордовия, создателем первого мордовского балета, и художником Сергеем Родионовым, с которым общаюсь до сих пор.

Наши рукописи должны были разбирать, и среди приглашенных был, разумеется, Валерий Анатольевич как один из высших авторитетов областного масштаба. Меня тогда несколько насторожило, как он ругал одного поэта, пишущего о Боге. «Какой может быть Бог, – провозглашал Шамшуриным, рубя рукой воздух, – когда наши ребята в тяжелейших условиях, по пояс в грязи, строят БАМ! Разве Бог помог нашим отцам одолеть фашистов?» Но неприятное ощущение от этой казенной речи исчезло вечером того же дня. Убежав из низкого деревянного домика, где мои коллеги уже напились до умопомрачения, под яркой лампой электрического фонаря, освещавшего покрытые причудливым

снегом сказочные темные елки, я увидел группу семинаристов, среди которых были местные писатели Василий Осипов и Валерий Шамшурин. Разговор шел о литературе. Шамшурин говорил теперь уже совсем иначе, чем в официальной обстановке. От имиджа инструктора обкома партии или заштатного политука не осталось и следа

«Не судите по наружности, но судите судом праведным», – учил Христос. Я помню, что тогда Валерий Анатольевич долго говорил о том, что настоящие наши писатели – не те, которые ездят в бесконечные командировки по всему миру и дерут глотки в Политехническом музее, а те, кто не отступил от традиций нашей литературы, – Белов, Астафьев, Абрамов, Распутин, Носов. Называл и других писателей, которых я в ту пору не знал. Почему он так ценил именно этих авторов, я в то время еще не понимал. «Почитайте стихи Алексея Прасолова», – порекомендовал он присутствующим. Вернувшись в домик, я записал эту фамилию на клочке бумаги, а книгу Прасолова сумел отыскать только в читальном зале областной библиотеки. В формуляре, где приходилось расписываться, было всего только две или три подписи – сборник Прасолова явно не пользовался спросом и популярностью. Но стихи этого автора ошеломили меня. Только тогда я понял суть пословицы «Не всё золото, что блестит».

Не понимал я тогда еще и того, что каждый человек – это матрешка, внутри которой находятся другие, меньшие матрешки, тоже полые внутри. Но есть всегда и последняя, цельная матрешечка, внутри которой уже нет пустоты. «А ты не замечал, что эта самая маленькая матрешечка никогда не смеется?» – однажды сказала мне бабушка. Я стал специально раскручивать матрешки, обращая внимание на то, нарисована ли на цельной матрешечке красная скоба улыбки или нет... Но это уже другая история, не касающаяся Шамшурина напрямую.

Не могу сказать, что часто общался с Валерием Анатольевичем в 80-е годы, особенно в их конце. Во времена перестройки многие молодые писатели стали играть в оппозицию, и посещать писательскую организацию считалось моветоном. Какое-то время и я, как песчинка, вращался в этой мутной «демократической» волне, пока жестокие реалии 90-х годов не выбросили меня на сухой и бездушный каменистый берег реальности. Помню, как в начале 1989 года Валерий Анатольевич подошел ко мне на первом этаже в Союзе на Минина и сказал: «Женя! Ты даже не думай в наше издательство рукопись подавать! Для тебя это слишком мелко. Ну зачем тебе провинциальное издательство? В Москву езжай!» Интересно, что я последовал его совету. Послал рукопись на последнее в истории СССР IX Собрание молодых писателей, получил приглашение, а по результатам собрания рукопись была рекомендована издательству «Молодая гвардия». А за то, что книжка не вышла, большое спасибо Горбачеву, Ельцину и эпохе всеобщей «демократии».

Жизнь творческого человека в авторитарном идеологическом государстве – настоящая трагедия. И не только Валерий Анатольевич был жертвой этой системы. Нам тогда казалось, что главное – освободиться от цепей идеологии, что с наступлением эпохи демократии и гласности можно будет писать о чем угодно. Но мы были наивны и политически близоруки. Идеологическую диктатуру сменила диктатура рыночная, и профессия писателя вообще перестала существовать. Так и редакцию по работе с молодыми авторами издательства «Молодая гвардия», куда я отнес свою рукопись, сопровождаемую бумагой, подписанной пер-

вым секретарем Союза писателей СССР Константином Скворцовым, закрыли за отсутствием рентабельности, а план издательства, утвержденный в ЦК ВЛКСМ, выбросили в мусорное ведро

Почему это произошло? А всего лишь потому, что расход денежных средств на издание книги в стандартные 10 000 экземпляров намного превышал доход от продажи, то есть с точки зрения рыночной экономики издательство оказалось нерентабельным.

Но какой идиот стал переносить объективные, как законы физики, законы рыночной экономики на товары, относящиеся к культуре, которая всегда во всех странах была и будет только дотационной? Кто был первый? Горбачев, Ельцин, тогдашний министр экономики Павлов? Чубайс, Немцов? Я не знаю. Но не нужно быть дипломированным экономистом, чтобы понимать, что продажа туалетной бумаги и зубной пасты как товаров первой необходимости и продажа книг – это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Особенно в России, где исторически существовала диглоссия – говорили на древнерусском, а писали на церковнославянском языке. Церковнославянский язык как язык книжный, литургический, обрядовый, породил и особое отношение к книге у русских людей. Особенно этим отличались люди, относящиеся к ревнителям древлеправославной церкви (старообрядцы).

Конечно, сравнивать книгу с туалетной бумагой смешно. Но давайте сравним книгоиздание с другой знаковой культурной отраслью – с театральным искусством.

Ведь любой первоклассник понимает: чтобы работа театра была рентабельной, цена билета на спектакль не может составлять ни тысячу, ни три тысячи рублей. Этих денег не хватит, чтобы оплатить труд администраторов, артистов, художников-оформителей, портных, гардеробщиц, электриков, пожарников и т. д. А если еще и иметь в виду, что любое уважающее себя предприятие хочет не только покрыть расходы, но и получить какой-никакой доход, то цена билета должна быть... Продолжать не буду. Понятно, что без государственных, бюджетных дотаций театры существовать не могут. А почему книгоиздание должно без них существовать и существует уже тридцать два года?

Таким образом, сама физическая жизнь писателя-профессионала в жуткие 90-е годы оказалась под вопросом. Выживали только две категории людей. К первой относились такие, как я, – люди, имеющие изначально другие профессии, не имеющие отношение к литературе. А ко второй – такие неисправимые трудоголики, как Валерий Анатольевич.

Шамшурин 90-х годов был совсем другим человеком. Он уже не имел никакой власти. Впрочем, ни о какой «писательской» власти в те времена говорить уже не приходилось. Время «литературных генералов» кануло в Лету. В 1990 году с поста руководителя писательской организации Шамшурина сняли (и не без оснований!) его же коллеги. Областную организацию возглавил Владимир Васильевич Половинкин, потомственный интеллигент, вузовский преподаватель, пользовавшийся большим уважением своих коллег. Интересно, что, уйдя с поста председателя правления местной организации, Шамшурин остался секретарем правления Союза писателей России. Это случай совершенно беспрецедентный, свидетельствующий об отношении к творчеству писателя в Москве, в аппарате Союза. Действительно, сколько я ни был в Москве, в каких только редакциях ни бывал – везде, как только узнавали,

что я из Нижнего, просили передать большой привет Валерию Анатольевичу Шамшурину. Складывалось такое ощущение, что этого человека знают все. И он всегда для всех был первым среди нижегородских писателей. В лихие девяностые, когда многие спивались и валялись в депрессии, Шамшурин очень много писал. И стихи, и романы. Не чувствовался, как всегда, и журналистики. Он был настоящим чернорабочим от литературы!

Когда в нашем городе возник журнал «Нижний Новгород» и встал вопрос о кандидатуре главного редактора, Владимир Васильевич Половинкин, к которому обратился потенциальный издатель как к руководителю писательской организации, сразу же назвал фамилию Шамшурина. И понятно, почему. Валерий Анатольевич имел к тому времени и несомненный писательский опыт, и очень большой опыт редактора. И, кроме этого, неоспоримый авторитет и в культурных кругах, и в областной администрации, состоявшей в ту пору из бывших партийных и комсомольских работников, с которыми Шамшурин успел подружиться еще при советской власти. Возглавив журнал, Шамшурин был полон наполеоновских планов. Он всю жизнь мечтал о таком вот региональном издании, которое бы размещалось в нашем городе. И понятно. Нижний Новгород – не последний город в Российской Федерации. «Волжская столица», «карман России» – всё это про нас. Не все знают, однако, что история этого журнала упирается еще в далекие пятидесятые-шестидесятые годы и неразрывно связана... с русской идеей! Да-да, с той самой русской идеей, которая в середине позапрошлого века явилась яблоком раздора между так называемыми «западниками» и «славянофилами» и которая сейчас, в связи с украинским конфликтом, обрела новое звучание.

Так уж получилось, что только в пятидесятые годы наши писатели стали обращать внимание на то, что в России, а точнее в РСФСР, как тогда называлась наша республика, не было своего Союза писателей. Был Союз писателей Литвы, Украины, Узбекистана... А вот в РСФСР Союза писателей не было! Был так называемый «большой Союз», а именно Союз писателей СССР, который и командовал всеми писателями страны.

В 1958 году возник, наконец, Союз писателей РСФСР. У его истоков стояли как раз те писатели, которые особенно ратовали за «русскую идею», частенько говорили о том, что самый большой и многочисленный из народов СССР унижен в своих правах, поскольку не имеет своих, национальных, русских периодических изданий. Один из таких вот региональных русских журналов, который решено было назвать «Волга», решили прописать в самом большом в те времена волжском городе – Горьком. Однако местная писательская организация проявила какую-то вялость и сомнения по поводу того, что произведений местных письменников хватит на двенадцать номеров журнала в год. Не было у организации и опыта редактирования профессионального «толстого» литературного журнала. Дело кончилось тем, что «Волгу» отправили «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов». Именно там, конечно, уже не в глуши, а в прекрасном волжском городе Саратове, стали издавать «Волгу» с января 1966 года. Журнал стал одним из лучших в России. Однако в умах местных писателей и культурного литературного сообщества вообще появилось нечто вроде обиды или недоумения. Как это так – один из крупнейших городов в России – и без своего журнала! И вот через тридцать с лишним лет после появления «Волги» мечта,



наконец, реализовалась, и во главе этой реализации встал, конечно же, Валерий Анатольевич. Как редактор журнала он проявил необычайную активность, постоянно ездил по области, где рекламировал журнал, привлекал к сотрудничеству иногородних авторов, имеющих авторитет в писательском сообществе. Однако нерентабельность привела к гибели и этого издания. Журнал существовал исключительно на деньги издателя-коммерсанта, не имея никакой государственной дотации. В 2002 году он погиб, чтобы восстать из пепла только через 12 лет, в 2014 году.

В 90-е годы я продолжал посещать писательскую организацию, которая к тому времени превратилась в клуб. Мечта о вступлении в Союз, с которой я не разлучался при советской власти, в те годы меня уже не преследовала. Я не видел особого смысла быть членом непонятной «общественной организации», не дающей никаких льгот и привилегий. Хотя и против вступления в Союз, разумеется, не был. Само словосочетание «Союз писателей» тогда еще как-то звучало в общественном сознании. Поэтому, когда Валерий Анатольевич в 1998 году позвонил мне и спросил, не против ли я вступления в Союз, я, конечно же, ответил, что не против. А почему я должен быть против? Я всегда дружил с нашими писателями, мне было интересно общаться с ними. Принимали меня на выездном секретариате Союза писателей 11 сентября 1998 года.

Именно в 90-е годы Валерий Анатольевич стал инициатором уникальной литературной экспедиции-поиска под названием «Живи, родник». Целью этого мероприятия был поиск молодых талантов в глубинке. Это были как раз те молодые писатели, которые в силу географических, экономических и социальных причин не имели возможности часто бывать в областном городе. Многие из них в ту пору едва сводили концы с концами, в самом что ни на есть буквальном, физическом смысле перебиваясь с хлеба на воду. И вот в те самые годы, когда впервые заговорили об олигархическом правлении, когда людям по полгода не платили зарплату, когда в нашем, всегда очень благополучном в эпидемиологическом отношении городе появились забытые за годы советской власти туберкулез и сифилис, когда трассы области облепили ВИЧ-инфицированные проститутки, появилась уникальная акция, направленная на поддержку... начинающих поэтов! Уже первая такая экспедиция-поиск «Живи, родник», состоявшаяся в 1993–1994 годах, принесла ощутимые результаты – членами Союза писателей России после нее стали такие талантливые поэты, как Владимир Миронов из Семеновского района, Виктор Кельдюшкин из Большого Мурашкина, Виктор Карпочев из Сосновского района, Марина Котова из Дзержинска, Марина Вахто из Городца. Все вышеперечисленные – удивительно талантливые люди. Все они обязаны появлением своих книг инициативе Валерия Анатольевича. К сожалению, Миронов и Кельдюшкин к настоящему времени ушли из жизни. Марина Котова, воодушевленная вниманием Шамшурина, поступила на ВЛК при Литературном институте и после окончания курсов осталась жить в Москве. Она автор многочисленных публикаций в центральной печати и лауреат нескольких литературных премий. Марину Вахто судьба тоже привела в Литературный институт – знаковое и ключевое место для русских писателей. Книжка этой поэтессы была издана на грант Министерства культуры Нижегородской области при непосредственном участии Шамшурина. Сменивший Шамшурина на посту

председателя правления талантливый поэт Владимир Жильцов (вместе с которым меня принимали в Союз писателей в 1998 году) подхватил эстафетную палочку из рук своего учителя и продолжал экспедиции-конкурсы «Живи, родник» уже в нулевые годы. В те времена жизнь уже потихоньку начала налаживаться, бандитские разборки несколько поутихли, реже уже встречались в кюветах сожженные иномарки, но начинающим поэтам нужна была поддержка, как нужна она и сейчас. Благодаря этому конкурсу писательскую организацию в нулевые годы пополнили такие талантливые поэты, как Вячеслав Карташов из Балахны и Владимир Решетников из Семеновского района.

Шамшурин нулевых годов был для меня уже совсем другим человеком. В эти годы я общался с ним на равных. Узнал о нем много нового и интересного. Чернорабочий от литературы, он начинал свою трудовую деятельность в должности директора сельской школы. Уже тогда проявились его неординарные организаторские способности.

Он сделал все для того, чтобы зерно его таланта не упало в каменистую почву, а дало бы обширный урожай. И всюю помогал другим писателям. В том числе и мне, издав мою прозаическую книжку «Запотевшее стекло» на грант от Министерства культуры Нижегородской области. Правда, для этого ему пришлось разместить на обложке книги фотографию Дмитровской башни Нижегородского кремля – дабы наши чиновники, не читающие книг, посчитали, что это книга о Нижнем Новгороде. По негласным условиям гранта в приоритете была краеведческая тематика.

Конечно, приятно было, что не пришлось искать спонсоров на издание книги. Бегать с протянутой рукой мне никогда не нравилось. И всё же остался у меня от этой обложки какой-то неприятный осадок. Как будто я вновь вернулся в советское идеологизированное время. Прекрасно, когда человек пишет о своей малой родине. Прекрасно в двойном объеме, когда о малой родине пишут так талантливо, как писал Валерий Анатольевич. Но если человек живет в Нижнем Новгороде, то почему он не имеет права писать о Москве, Париже, Сан-Франциско... Урюпинске, на худой конец? Почему нельзя гордиться своими авторами, когда они просто **хорошо, профессионально пишут**, а не только воспевают местные достопримечательности? Почему финансировать надо только туристические буклеты и путеводители по городу? И вообще, когда литература не будет идеологизирована?

В последние годы жизни Валерий Анатольевич стал меньше бывать на литературных тусовках. Однажды он сказал мне, что вовсе не считает себя писателем со счастливо сложившейся литературной судьбой. Конечно, так оно и было. Жизнь подчас заставляла его кривить душой. Но много ли среди нас подвижников, готовых идти в огонь ради своих убеждений, особенно среди писателей? Я знаю только одного такого – это Аввакум Петров, тоже, кстати, уроженец нашего края.

Конечно, в силу большой разницы в возрасте (мои родители всего лишь на два года старше Шамшурина!) он не мог быть моим близким другом. Но многие черты Шамшурина-человека мне импонировали. Так, я никогда не видел его пьяным и даже выпивающим, никогда не видел, чтобы Шамшурин грязно приставал к женщине – к сожалению, не о всех своих коллегах я могу такое сказать.

К великому счастью, после ухода Шамшурина у нас на нижегородской земле не исчезли таланты. Таланты не исчезли – исчезли подвижники. А писатели резко разделились на доходяг и коммерческих борзопис-

цев. Могу засвидетельствовать, однако, с полной откровенностью – к последней категории Валерий Анатольевич точно не относился. Он был настоящим профессионалом и трудоголиком. Доказательством трепетного, целомудренного отношения поэта к русскому слову может быть стихотворение (одно из моих любимых!), которым вполне логично закончить эти воспоминания.

Встану – строчку зачеркну,  
скрипну половицей,  
гляну в ночь и зачерпну  
из ведра водицы.

И заплачу оттого,  
что живу на свете,  
что над белою травой  
белый месяц светит,  
что над стогом спит звезда,  
что при всех удачах  
так я больше никогда  
в жизни не заплачу.

*Евгений ЭРАСТОВ,  
член Союза писателей России*